

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

М.А. КАРАУЛОВ

История казачества

Михаил Караулов
Терское казачество

«ВЕЧЕ»

1912

Караулов М. А.

Терское казачество / М. А. Караулов — «ВЕЧЕ»,
1912 — (История казачества)

Первое упоминание о терских казаках относится к XVI веку. Их отдаленными предками были гребенские казаки, поселившиеся на реке Сунже в конце XV – первой половине XVI века и присоединившиеся к ним в XVI веке переселенцы с Дона. Официальной датой основания Терского казачьего войска считался 1577 год, когда гребенцы успешно оборонялись от крымских татар в Терском городке близ устья реки Сунжи. Книга атамана Терского казачьего войска генерал-майора Михаила Александровича Караулова, впервые изданная в 1912 году под названием «Терское казачество в прошлом и настоящем», рассказывает об истории терского казачества и ратных подвигах русского воинства во славу Отечества.

© Караулов М. А., 1912

© ВЕЧЕ, 1912

Содержание

Вступление	5
Часть I	7
I. Значение слова «Казак»[1]	7
II. Начало казачества	11
III. Казаки восточные – городовые и вольные	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Михаил Караулов

Терское казачество

«Если казаки могут быть названы привилегированным сословием, то привилегия их заключается в том, что они стоят в первом ряду Государевых слуг...»

Гр. Д.А. Милютин. «Объяснения Военного Министра и замечания Министра Внутренних Дел». В 1873 году

*Дам тебе я на дорогу
Образок святой...*

М.Ю. Лермонтов. Казачья колыбельная песня

Его Императорскому Высочеству, наследнику цесаревичу и Великому Князю Алексею Николаевичу, августейшему атаману всех казачьих войск, в знак искренней и беспредельной преданности посвящает свой труд Автор

Вступление

Почти четыре века миновало с того времени, как впервые появилось на Тереке казачество. Много с той поры утекло воды, много пролилось и крови... Три с лишком столетия понадобилось для того, чтобы из малой горсти первых удалцов – Гребенских казаков выросло современное Терское Войско, единое в своей множественности. Гребенцы, Низовые Терцы, Аграханцы, Терцы-Семейцы, Кизлярцы, Волгцы, Моздокцы, Горцы, Владикавказцы, Сунженцы – все это отдельные цветы в ярком венке славного Терского Войска, являющегося наследником лихого Кавказского Линейного Войска; все это одна семья, крепнувшая и развивавшаяся из поколения в поколение.

Проникнутые пламенной верой в Бога и Его всемогущее покровительство, беззаветно преданные Престолу Самодержавных Царей Русских, горящие самоотверженной любовью к великому Отечеству нашему, сильные столько же духом, сколько и телом, наши прадеды и деды «с громом битвы и победы шли вперед за шагом шаг», неудержимо стремясь «двинуть далеко предел порубежный и твердою грудью заслонить своей»... «Смерть и раны презирая, деды в смертный час и нам свой завет передавали, чтоб идти по их следам», «храбро, весело, отважно чтоб Царям всегда служить и чтоб прадедовской славы нам во веки не забыть»...

Напомнить наше славное боевое прошлое, указать на непрерывную тесную историческую связь, на общность духа, работы и целей всего Российского Казачества «до Урала, до Алтая, до Амура... от Днепра», разбудить задремавшую казачью мысль, раздуть в сердцах казачьего юношества и взрослых поколений тлеющие под пеплом исторических наслоений искры священного огня, искры казачьего духа, – ставил своей задачей автор, глубоко убежденный, что жив еще этот казачий дух, еще не умерла казацкая доблесть, еще не погибло казачество, еще не сказало оно своею последнего слова...

И наша громкая прадедовская слава, добытая дорогою ценою беспримерных трудов и лишений, омытая целыми потоками своей и вражьей крови, пусть ярко сияет путеводной звездой и для подрастающих наших поколений, пусть знают они и чтут ее, пусть будут ее достойны!..

Пусть свет прошлого озарит нам настоящее!.. Пусть пробудившаяся казачья мысль, как и в былое время, соберет нас во единый казачий круг и укажет нам путь к исполнению до последнего конца лежащей на Казачестве исторической задачи!..

И пусть знают наши друзья и недруги, что есть еще порох в наших пороховницах, еще не притупились казацкие сабли, не ослабела еще казацкая сила, еще не гнутся казаки!..

А сами мы, видя яркий свет у себя в прошлом, будем, не смущаясь настоящими невзгодами, смело и бодро, с сознанием своей силы и святости своего великого дела, смотреть вперед, памятуя всегда, что с нами – Бог, над нами – Царь, а за нами – Русь Святая!..

Подъесаул М.А. Караулов 2-й

Часть I Казачество

*Богатырь ты будешь с виду
А казак душой...*

I. Значение слова «Казак»¹

Слово «казак» несомненно не русского происхождения. Надо думать, что на Русь занесено оно татарами, так как ни в каких документах и книгах мы не находим его в первые века русской истории, до татарского нашествия.

Слово это давало повод различным ученым и исследователям строить самые разнообразные догадки для выяснения его происхождения и первоначального значения. Некоторые пытались сопоставить его с названием племени Касогов, живших в IX–XI веках в предгорьях Северного Кавказа, и с Казахстаном², пограничной грузинской областью, упоминаемой еще византийским историком X века Императором Константином VII Багрянородным, и с Казарами, жившими на низовьях Дона и Волги в VIII–X веках. Производили это слово и от турко-татарского слова «коз», что значит «гусь», и от монгольских слов «ко» (т. е. броня, латы, защита) и «зах» (т. е. межа, граница, рубеж), откуда «козах» должно бы означать – «защитник границы». Историк Голубовский считает это слово половецким, и по его предположению оно означает «страж», почему казаками должны были называться передовые бойцы. Однако же, несмотря на все старания ученых, вопрос о происхождении слова «казак» остается все еще спорным и неясным.

Оставляя в стороне то значение, которое имело и имеет³ интересующее нас слово в языках различных азиатских народов, мы рассмотрим случаи употребления его в русских исторических памятниках и постараемся выяснить, с каким значением это слово перешло в русский язык.

Нетрудно при этом заметить, что уже на первых порах слово «казак» в русском языке употребляется то в общем смысле «бездомника» (даже иногда изгнанника), то в более узком значении «одинокое вольного человека», служащего по доброй охоте государству или отдельным его членам.

Когда в 1476 году Крымский хан Менгли-Гирей был изгнан из Крыма Ахметом и место его получил хан Зеннебек, который, видимо, не считая свое положение вполне прочным, обратился к Московскому Великому Князю Иоанну III с просьбой дать ему в Москве убежище в случае изгнания из Крыма, то Иоанн отвечал: «Прислал ты ко мне своего человека, который говорил, что если, по грехам, придет на тебя истомы, то мне бы дать тебе опочив в своей земле. Я и прежде твоего добра смотрел, когда еще ты был казаком⁴; ты и тогда также ко мне приказывал, что если конь твой будет потен, то мне бы тебе в своей земле опочив дать. Я и тогда опочив в своей земле давал тебе и нынче добру твоему рад везде; каковы твои дела будут после,

¹ При подготовке книги М.А. Караулова к переизданию редакция в большей части текста сохранила орфографию и пунктуацию начала XX века.

² Ныне татарское сел. Казах, Елисаветпольской губ., в Закавказье.

³ Так, в Туркестане «казак» означает вообще всякого кочевника, а киргизы сами себя называют не иначе, как только «казаками», причем также их называют хивинцы и бухарцы; у осетин и балкар (горных татар) казаками назывались пленные рабы, и т. д.

⁴ Т. е. в данном случае, лишенным «дома», трона, законных прав.

и захочешь у меня опочива, то я тебе опочив в своей земле дам, и истому твою подниму». В 1591 году Крым требовал от Москвы выдачи поступившего на московскую службу крымского царевича Пашай-мурзы, бежавшего из Крыма «в нужде казачеством». Тоже значение бездомника, бесприютного бродяги-кочевника, лишённого своего крова и прав, человека без роду без племени, находим мы в грамоте царя Феодора, посланной бывшему Сибирскому царю Кучуму в 1597 году: «...Мы, Великий Государь, хотели тебя пожаловать: устроить на Сибирской земле царем, а племянник твой Магомет-Кули устроен в нашем государстве, пожалован городами и волостями по его достоинству, и служит нашему Царскому Величеству. А как ты казаком кочуешь на поле с немногими людьми, то нам известно. Ногайские улусы, которые кочевали с тобою, на которых была тебе большая надежда, от тебя отстали; Чин-Мурза отъехал к Нашему Царскому Величеству, остальные твои люди от тебя пошли прочь с двумя царевичами, а иные пошли в Бухары, Ногаи и в Казацкую Орду⁵; с тобою теперь людей немного, — это нам подлинно известно; да хотя б с тобою было и много людей, то тебе по своей неправде против нашей рати как стоять! Знаешь и сам, какие были великие мусульманские государства Казань и Астрахань: и те отец Наш, пришедши своею Царскою персоною, взял; а тебе, будучи на поле и живучи казаком, от нашей рати и огненного боя как избыть...»

Наряду с приведенным выше общим значением, мы встречаем слово «казак» и в другом, более узком смысле. В этих случаях казаками называются вольные служилые люди, наймиты, батраки, стражники, отнюдь не холопы, не рабы или крепостные; люди, служащее по собственной доброй воле, а не по принуждению. Во время борьбы Царя Ивана IV с Казанью ногайский хан писал ему (по получении богатых подарков): «Я твой казак и твоих ворот человек; братству моему знамя (доказательство) то: захотят младшие мои братья или дети в вашу сторону войною идти, то я, если смогу их унять, уйму, а если же не смогу их унять, то к тебе весть пошлю».

Еще и в наши дни в Северо-Восточной Руси словом «казак» обозначается работник, человек, смотрящий за хозяйством другого и не имеющий своего. Такое же значение мы находим и во многих документах XVI века: так, в уставной грамоте великого князя Василия крестьянам Моревской слободы: «Плавить им дрова и хоромной лес реками, и им и козаком их мыта и явки не давати». В жалованной грамоте Троицкому Сергиеву монастырю 1534 года говорится: «Кто у них станет жить у соли у варницы и в дворах, повара и водоливы и всякие козаки, наместники наши, и волостели, и тиуны их тех людей не судят; а которые козаки приходцы порядятся жить за монастырем в варницы, в повара, водоливы, дрова рубить и возить и всякое дело делать, — таким являться к нашим наместникам».

В 1582 году какой-то Тереха Ситников подрядился доставлять из Нижнего в Астрахань хлебный запас в 2500 четвертей муки и толокна; ему дана была грамота, по которой его всюду пропускали беспоплавно и без задержек, а потому, если кто-либо на запасчика (подрядчика) или на людей его попросит пристава или казаки его, не желая идти у него на судах, станут на нем или на людях его чего искать или чем его клепать, то бояре и воеводы не должны давать на него и на его людей пристава и суда, а судиться им в Москве в Боярской Думе; вместе с тем боярам, воеводам и дьякам воспрещалось Терехиных казаков верстать в стрельцы и в казаки. Царю Борису Годунову Верхотурские стрельцы, казаки, пашенные крестьяне и ямские охотники жаловались на своеволие начальства: держат-де они по найму для своей нужды, для пашни и для гоньбы ярыжных казаков, дают им найму по три рубля с полтиною и по четыре рубля на лето, кроме того, что они едят и пьют у них; но этих казаков берут у них воевода и голова на царские изделия (работы); кроме того, воевода и голова нанимают к казенным баням ярыжных казаков, дают им найму по четыре и по пяти рублей, и эти деньги, а также и деньги на банную поделку велят собирать с их ярыжных казаков.

⁵ См. выше примечание 2-е.

В двух последних примерах мы уже видим различие казаков-батраков (ярыжных, торговых) от казаков-воинов, служилого военного сословия, возникшего на Руси по примеру и образцу татарских казаков.

Татарские орды, окружавшие Русь с юга и востока в XV–XVI веках, не представляли собой однородной массы. В зависимости от происхождения, знатности и богатства они делились на три различных класса: мурз-князей, из рядов которых выходили и ордынские цари, уланов среднего сословия и казаков низшего сословия, наименее обеспеченного и соответствовавшего пролетариям древнего Рима, которые оценивались по своему имущественному положению только в одну «голову» (*capite censi*), за отсутствием другого ценного имущества. В то время, как мурзы предводительствовали огромными отрядами, доходившими до нескольких десятков тысяч человек, а уланы выходили на войну в сопровождении целой толпы слуг и рабов, – казак вылетал в поле «гол как сокол». Много добра сулила ему битва и война, а терять было нечего, так как ничего у него не было за душой, кроме коня, оружия да «удалой башки»... да и та непрочно сидела на буйных плечах в то суровое и ненадежное время, когда жизнь человеческая шла ни во что...

Татарские казаки неоднократно упоминаются в наших летописях и других исторических документах. Так, мы знаем, что Великий Князь Василий Иоаннович пожаловал татарскому царевичу Абдыл-Летифу поместье в Юрьеве, причем взял с него присягу на верность службы и обязательство «не принимать от других царей и царевичей, которые будут в Московском государстве, уланов, князей и казаков, хотя бы они прежде ушли от них в Орду или Казань, и оттуда их не принимать». В 1535 году в Москву приехали с Волги казаки, городецкие татары, и сказывали, что к ним на остров приезжали казанские князья, мурзы и казаки, человек шестьдесят, и объявили об убийстве казанского царя Еналея. В 1550 году в Москву стали ездить, человек по пяти, по шести сот, горные татары, только что признавшие над собой власть Московского царя; Государь их жаловал, князей, мурз и сотенных казаков кормил и поил у себя за столом, дарил шубами, доспехами, конями, деньгами. В 1552 году казанские послы говорят царю Ивану Грозному: «теперь здесь в Москве уланов, князей, мурз и казаков человек с триста». В том же году бояре велели перехватить пришедших в Москву из Казани с Шиг-Алеем татар: Кудай-Кула, Лимана и всех князей и казаков.

И чем менее грозными для Русской земли становились татарские ханы и беки, все более и более терявшие свою силу, тем опаснее и страшнее становились вездесущие и неуловимые татарские казаки, причинявшие немало хлопот и бед жителям русских порубежных сел и городов, купцам, послам и иным людям, имевшим надобность бывать в степной Украине.

Понятно, что правительство московское обращалось с жалобами на их разбои и к Крымским ханам и к Турецким султанам. Жалобы эти начинаются уже с Иоанна III, который особенно просил унять разбойничавших в Придонских степях Азовских (татарских) казаков. Сын его, Василий Иоаннович, требовал от султана, чтобы тот запретил Азовским и Белгородским (Аккерманским) казакам подавать помощь Литве против Руси. В грамоте Крымского хана Менгли-Гирея к Иоанну III мы видим обещание унимать крымских казаков: «Вышнего Бога волею я, Менгли-Гирей-Царь, пожаловал: с братом своим, великим князем Иваном, взял любовь, братство и вечный мир от детей на внучат. Быть нам везде заодно, другу другом быть, а недругу недругом. Мне, Менгли-Гирею-Царю, не воевать, ни моим ханам, ни князьям, ни казакам; если же без нашего ведома люди наши твоих людей повоюют и придут к нам, то нам их казнить, и взятое отдать, а головы людские без окупа выдать»...

Само собой разумеется, что все такие обещания были безрезультатны, так как и крымцы, и ногайцы, и другие кочевые обитатели южно-русских степей жили, по преимуществу, грабежом, разбоем и продажей пленных в рабы, а потому никакие усилия ханов, если бы даже и можно было верить их искренности, не приводили ни к чему. Русь могла спастись от вечной грозы, только противопоставив силе такую же силу. И вот против татарских хищников, с

одной стороны, выдвигаются украинные крепости, города, «остроги» (сторожевые укрепления, посты), населенные служилым воинским людом – стрельцами, городовыми казаками и т. д., а с другой стороны, степные речки и овраги заселяются охотниками-воинами, вольными казаками, собирающимися в большие дружины, военные общины – казачьи войска. Таким образом, навстречу татарским ордам Русь выставила верного стража и защитника – казачество служилое и вольное.

И вот к истории возникновения этого казачества, его постепенного развития и более чем четырехвековой беззаветной и верной его службы земле Русской мы переходим в следующих главах.

II. Начало казачества

Борьба Руси со степью. Богатыри Святорусские. Татарское иго. «Дикое поле» и его обитатели. Появление казаков. Их служба государству

Широко раскинулось по земле Русское государство. Включив в границы свои половину Европы и почти половину Азии, тянется оно от Балтийского моря до Великого океана, от северных льдов с полугодовыми ночами до жарких краев Туркестана и Персии.

Таким мы знаем наше отечество ныне. Но не всегда была могуча и велика Русь. Было время, когда она представляла собой небольшое государство, приютившееся в лесистых дебрях верховьев Днепра, Волги и Дона. Это было тысячу лет тому назад. Тогда только еще начинала строиться Русская земля, только еще нарождалось Русское государство. Разбросанные там и сям по широкой лесистой равнине Восточной Европы русские племена кривичей, вятичей, радимичей, северян, древлян, тиверцев, угличей и других жили без всякой связи друг с другом, без взаимной выручки и поддержки. Окруженные повсюду врагами, они еще не сознавали своего племенного единства, и за то жестоко платились: соседи жили за их счет, грабили и убивали их, уводили в плен, продавали в рабство, собирали с них тяжкую дань.

Когда, к концу IX века, в Киеве – «Матери городов русских», появляются впервые пришедшие из Новгорода князья Рюриковичи, в то время к востоку от Русской земли в придонских и приволжских степях находилось сильное, могучее и богатое государство Хозарское. К северу от Хозар жили воинственные черемисские племена Буртас. В нижнем течении многоводной Камы лежал великий и населенный торговый город – столица Камских Болгар. В приуральских степях кочевали печенеги и гузы (торки). Предгорья Северного Кавказа заняты были предками нынешних осетин и кабардинцев – ясами и касогами. По берегам Черного моря и на Крымском полуострове раскинуты были богатые византийские поселения. В степях между Доном и Днепром бродили дикие угрские (венгерские) орды. Большинство этих племен платило дань Хозарскому Кагану (царю).

И вот Киевским князьям пришлось прежде всего начать борьбу с Хозарами и с Византией. Олег, Игорь, Святослав предпринимают смелые, решительные и славные походы. Не оставив их ни дремучие леса, ни высокие горы, ни бесчисленные реки, болота и топи, ни широкие безводные степи, ни бурные волны синего моря. Болгары, хозары, касоги, венгры, литовцы, даже далекая Персия и царственная Византия склоняются пред русским оружием, слава которого скоро облетала полмира...

В знак своей победы над Византийской империей Олег прибавляет свой щит на вратах столицы ее – Царь-града (ныне Константинополь). Игорь на своих быстрокрылых ладьях рыщет не только по Черному, но даже и по Каспийскому морю, куда идет с ним (в 913 и в 943 гг.) огромная русская рать на 500 кораблях; он опустошает цветущие греческие поселения по анатолийскому берегу и богатую добычу собирает в городах Закавказья и Северной Персии. Святослав, окончательно разгромив хозарское царство, доходит до стен Семендера (близ нынешнего Петровска), завоевывает Тмутараканское княжество в низовьях Кубани и присоединяет к обширным владениям своим богатое Болгарское царство по нижнему Дунаю.

Но вот, со второй половины X века, из среднеазиатских степей чрез равнины Приуралья, чрез так называемые «ворота народов», все новые и новые толпы хищных кочевников начинают наводнять юго-восточный угол Европы. Идут друг за другом бесконечной вереницей полчища печенегов, гузов, торков, берендеев, половцев и т. д., разнося за собою смерть, пожары и разрушения. Одно за другим гибнут русские поселения на южной Украине. Опустошенное Подонье (часть Руси, лежащая по верхнему течению Дона и его притоков) надолго попадает в руки кочевых орд. Гибнет в волнах степного нашествия оторванная от общей связи с Русью

отдаленная Тмутаракань. Самому Киеву грозит непрерывная опасность от ярости и кровожадности хищных половцев.

Приходится Руси, оставив мысль о дальнейших завоеваниях, подумать о собственной защите. Начинают князья земли Русской строить по южной границе города, «остроги» (сторожевые укрепления), делать засеки, проводить на целые десятки верст огромные валы, усаженные крепким частоколом. Уже сын Святослава Киевский князь Владимир Святой Красное Солнышко, как называется он в старинных народных песнях, начинает эту работу: ставит он «города» по рекам Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне. Эти города получают исключительно военное значение и для заселения их вызываются из внутренних областей «мужи лучшие», т. е. храбрые, воинственные люди, горящие непреклонным желанием постоять за Святую Русь, готовые за сирот, за вдовиц убогих биться до последней капли крови со всякою «нечистой поганю», которою кишела степь.

И вот, наряду с княжими дружинами, пирующими за княжой счет в стольном городе Киеве, возникает новый род воинства – богатыри свято-русские. На степной границе собираются представители всех сословий, всех состояний: и знатные, и простые, и богачи, и бедняки – голь перекатная. И боярин Добрыня Никитич, и подьячий Васька Долгополый, и молодой Алеша Попович, и служилый человек Гришка Боярский Сын, – все они стоят на заставе богатырской, имея во главе у себя – «в атаманах» – старого бобыля, «матерого казака» Илью Муромца, крестьянского сына. Здесь уже обнаруживаются зачатки нового порядка и строя: не знатностью, не богатством, а исключительно только личными достоинствами и заслугами создается положение среди этих «лучших мужей» своего времени. И все, что было в ту пору на Руси сильного, бодрого, храброго, смелого, все стекалось на эти заставы богатырские для «береговой» (охранной) и «станичной» (разъездной) службы. Зорко смотрели они с высоты сторожевых курганов на широкий простор грозно молчащей степи, ежеминутно готовой изрыгнуть из своей глубины толпы жадных хищников. И завидев врага, устремлялись на него, и яростно бились, пока одна из сторон не падала на месте мертвой...

А иным удайцам не сиделось и на заставе: собирались тогда «резвых» людей легкие «станции» (летучие отряды), и вылетали молодцы в широкий степной простор «казаковать».

В чистом поле погулять,
Серых уток пострелять.
Руку правую потешить:
Сарацина в поле спешить.
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса⁶.

Всех их принимала в свои объятия широкая степь, но немногие выносили обратно свои удалые головушки. И только белый ковыль, – то *былье*, которым порастало русское былое, – прикрывал их буйные кости, рассеянные по необъятному степному простору, обильно политому русской и вражьей кровью.

Не жалели богатыри ни голов своих, ни трудов, ни крови... Бескорыстно берегли они многострадальную Русскую землю от чужеземного ига, но напрасны были все их труды и лишения, ни к чему ни привели все их нечеловеческие усилия...

Пока на далекой границе они отбивались от внешних врагов, внутри отечества встала более грозная опасность: поднялась беспощадная братоубийственная борьба за власть... В усо-

⁶ А. С. Пушкин. «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

бицах потоками, без жалости и меры, лилась братская кровь... В пламени пожаров гибли села и нивы... на поток и разграбление отдавались озверевшими, опьяненными борьбой победителями цветущие города... С бессмысленной жестокостью предавались уничтожению богатства, накопленные долгими годами труда, пота и лишений.

«Тогда», говорится в Слове о полку Игореве, «сеялись и вырастали усобицы; погибала жизнь Даж-божья внука; в княжеских крамолах сократился род человеческий. Тогда по Русской земле редко покрикивали пахари, зато часто каркали вороны, деля между собою трупы, а галки свою речь говорили, собираясь лететь на добычу. Княжеские усобицы были на руку поганым. Брат сказал брату: “Это мое, да и то мое же!”... и начали князья о малом говорить, словно о великом и сами на себя ковать крамолу, а поганые стали со всех сторон с победами приходить на Русскую землю»... В пылу междоусобной борьбы казалась пустячной затеей охрана дальних восточных границ. Защитники окраин, не видя себе поддержки, становились все более и более нерешительными; слабели их и без того недостаточные силы; все дальше и дальше отступали они на север и запад.

«В поле не работа, коль в хате пожар»...

В поднявшейся смуте уже никто не знал, за что стоять и чему служить. Не видели русские люди, что от розни и великие дела рассыпаются в прах... Рвали и терзали на части Матушку Русь ее собственные сыны.

И свершилось... Перевелись богатыри на Святой Руси. Попала она под чужеземное иго.

В 1232–1241 годах татарские орды залили кровью и огнем всю Русскую землю, смели прочь жалких властителей раздробленного государства и заглушили разрозненные жалкие крики «мое!» одним, поглощающим все кличем – «наше!» И затихли на время усобицы в разоренной земле Русской, пока не подросли новые поколения.

Двести с лишком лет распоряжались татарские ханы Русью. И в течение этих лет повсюду в широком степном просторе, как и прежде, слышна была русская речь, но звучала уже не по-прежнему. Не гордыми кликами победителей разносилась она по степному ковылю, а жалкими стонами побежденных, влекомых толпами в рабство, в неволю, униженными мольбами холопов, за счастье считающих лобызать руку быющего Русь «поганца», заискивающих нечистых милостей ханских приближенных.

Тяжело было иго татарское, не скоро еще смоет время следы его с Русского народа. «Но в искушеньях долгой кары, перетерпев судьбы удары, окрепла Русь. Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат».

Начали сознавать русские люди, что только в единении сила, и начали собирать землю русскую Московские Князья. Собравшись с духом, попыталась Русь сбросить с себя чужеземное иго, и успела в этом. В 1380 году в первый раз дерзнули русские стать против татар с открытой силой, и 8 сентября, на Куликовом поле, при впадении р. Непрядвы в Дон, великий князь Дмитрий Донской разбил наголову полчища татарского хана Мамаю. Много пролито было в этой битве крови русской, но все еще не купила этой ценой Русь своей свободы, потому что еще не все заодно встали: одни поднимали оружие за права и свободу русского народа, а другие или прямо стали на сторону врагов народных, или косвенно помогали им, продолжая прежние распри и споры за власть. И опять надолго стало народное дело, потому что один другому не давал за него взяться как следует. И если бы партийные распри не расшатали бы сильную когда-то власть Золотой Орды, если бы сама Орда не распалась на части, то долго бы еще пришлось Руси ожидать наступления полного рассвета своей свободы.

К началу XVI века на месте Золотой Орды мы находим уже несколько отдельных татарских царств. Среднее и Нижнее Поволжье заняты сильными и богатыми царствами – Казанским и Астраханским. В степях приуральских кочуют Большие Ногаи, а Малые бродят между Астраханью и Доном. Крымская Орда то кочует по самому Крымскому полуострову, то рассыпается со своими стадами по приазовским степям от Днепра до самого Дона, берега которого

еще надолго сохраняют названия Крымской (правый) и Нагайской (левый) сторон. По низовьям Буга и Днестра основались Белгородские (Аккерманские) татары – Едиссанская орда.

Южно-русская граница отодвинулась значительно к северо-западу: в пустыню превратились когда-то цветущие русские поселения Переяславской земли, почти вся Курская область и «польская Украина»⁷ княжеств Северского, Черниговского и Рязанского.

Эта пустыня протянулась вдоль всей юго-восточной границы более чем на 1000 верст длины и до 500 верст ширины. «Дикое Поле» называется она...

Еще хозяйничают по Дикому Полю татарские орды, но уже вновь начинает наступать Русь по всему фронту: выдвигается вперед левый фланг, – с Оки и Унжи восточная граница перенесена уже на Ветлугу и Суру. По всей «Украине», как и в былое время Владимира Красна Солнышка, начинают строиться города, рубятся засеки, ставятся «остроги», населяется служилый военный люд: «дети боярские»⁸, стрельцы, пушкарники, городские казаки...

Русь готовится к новой борьбе со степью. По равнинам, оврагам и перелескам Дикого Поля закипает вновь жестокая война не на живот, а на смерть.

Но на этот раз победа остается за Русью. Широкой могучей волной разливается она по безбрежному степному простору... А впереди Руси, как соколы, вырвавшиеся на волю, летят ближайшие наследники и прямые потомки славных когда-то великих могучих богатырей Святославских – казаки...

Еще осторожно и робко шагает вперед молодое Московское государство, все еще не веря в свои силы, не смея действовать решительнее из боязни потерять добытое положение и вновь почувствовать на себе тяжкое иго чужеземцев; еще воеводы царские только учатся бить татар, – а уже далеко отбита татарская волна заставами богатырскими. Уже рыскают по всему Дикому Полю удалые казаки, и как в былое время про Курян говорил князь Всеволод (в «Слове о полку Игореве»), что они удалые наездники, пути им ведомы, степные яруги (овраги, балки) знакомы, так теперь казаки уже свои в Диком Поле, и Дикое Поле для них уже свое: знают они там все пути-дороженьки.

В 1521 году надобно было назначить место, удобное для съезда московских и турецких послов. Московское правительство обратилось за справками к Рязанским казакам, а те дали сведения, что на полдороге от Азова к Московским границам находится «переволока»⁹, на этой переволоке прибой (пристанце) людям Астраханским, и тут посольским провожатым сходить нельзя, – надобно быть съезду на Медведице, которая ближе к Великому Князю Украине, но лучше всего назначить съезд на Хопре. Впрочем, рязанские казаки несут разведывательную службу не только по Дикому Полю, они получают и дальние командировки в Крым и Турцию. В 1522 году с Иваном Морозовым посланы казаки Рязанцы в числе десяти станиц (разъездов, отрядов) и список ему дан именной, где кого из них оставить: в Азове 4 станицы, в Кафе (ныне Феодосия) 4 станицы, в Царь-город взять 2 станицы; которых казаков оставить в Азове и Кафе и ему тем казакам приказать: если Крымский царь захочет идти на Великого Князя Украину, то станица ехала бы к Великому Князю, а другие бы оставались и ждали новых вестей, и какие еще вести будут, ехали бы к Великому Князю по станицам же, чтобы Великий Князь без вести не был.

Исполняли казаки и самостоятельные поручения к соседним восточным державам, ездили послами, вели переговоры. Так, в 1517 году Великий Князь созвал на думу братьев и бояр и спросил их, следует ли после бывшего только что коварного нападения крымцев на Русь продолжать мирные сношения с Крымом, «посылать ли к хану казаков с грамотами». Дума

⁷ Т. е. окраина, граничащая со степью, с «полем», как говорилось тогда.

⁸ Дворяне; слово, вероятно, в связи с татарскими «уланами» (см. гл. I), так как «улан», или «оглан», по-татарски значит «сын».

⁹ Место, где Волга и Дон близко сходятся, и где суда переволакивались из одной реки в другую.

приговорила, что нужно посылать, чтобы хан прямо не отстал от Москвы. А посольское дело было в те времена нелегкое и опасное. Приходилось казакам и холоду и голоду натерпеться в пути, отбиваться от нападений придорожных грабителей, да и при дворе восточных властителей не всегда жилось спокойно: били их там, оскорбляли всячески, грабили, отнимали даже одежду, продавали в рабство в далекие мусульманские края.

Но смело и спокойно выносил богатырский дух казачий все эти тягости и невзгоды. Не зная страха пред врагом, наводившим ужас на мирное население Русской земли, казаки сами шли навстречу опасности, перенимая от врагов систему войны, их боевые уловки, оружие и снаряжение. И скоро ученики превзошли своих учителей. Уже и в отдаленнейших углах степного простора не чувствуют себя спокойными и безопасными татарские улусы, – казаки всюду находят своих врагов. Вновь загорается заря Русской славы. Станицы удалых соколов-казаков не только шныряют по Дикому Полю, но залетают и в самое сердце татарщины – в Крым. Начинаются казачьи походы, повторившие славные набеги Олега, Игоря, Святослава, Владимира Мономаха и их богатырских дружин.

Когда, собственно, появилось казачество на Руси, с точностью определить невозможно. До нас дошло предание, что еще в 1380 году, когда Димитрий Донской шел с Куликова поля после Мамаева побоища, то первыми встретили его на Русской границе, близ города Гребени, «народ христианский воинского чина живущий, зовоми казацы, в радости стретающе его со святыми иконами и со кресты поздравляюще о избавлении своем от супостатов и приносяще ему дары от своих сокровищ, яже имеху у себя чудотворные иконы во церквах своих. Великий Князь с великою верою и любовью прием и их воинство вельми телесными дары обогатив и почтив, и по вся лета устави им казакам свое жалование за почесть их и сильную храбрость противу супостат агарянска языка».

С XV века известия о казаках принимают совершенно несомненный характер, а с начала XVI века, после объединения под властью Московского Великого Князя всей Северо-Восточной Руси вплоть до самой границы со степью, казаки уже постоянно упоминаются в составе Московских вооруженных сил, принимая деятельное участие в государственном строительстве в обороне городов, в наблюдении за набегами диких кочевников, в отражении их орд, в преследовании хищников, в отбивании у них русского «полона» и во всех походах, направляемых государями Земли Русской в глубь степей.

Выше мы видели, что казачество является по духу и целям своим прямым продолжением богатырства святорусского, а потому его нужно считать столь же древним, как и самое Русское государство. Походы Игоря, Олега, Святослава – те же казачьи походы. Самый Святослав – типичный казачий атаман, ставящий выше всего свое товарищество, дружину свою хоробрую, готовый за нее положить свою буйную голову и жертвующий для воинской потехи своими лучшими привязанностями, семьей, женой, детьми.

Можно смело сказать, что казачество это – Русь, но не безвольная холопская Русь, стонущая под чужеземным игом и бессильно тонущая в междоусобной борьбе, а Русь свободная, победоносная, широко распростирающая свои орлиные крылья по степному простору и смело смотрящая в очи соседям врагам.

III. Казаки восточные – городовые и вольные

Различие между городовыми и вольными казаками. Казачье общественное устройство. Войсковой круг. Его права и деятельность. Казаки и Московское правительство XVI–XVII веков. Воры ли казаки? Идея казачества

В половине XVI века юго-восточная граница Руси, так называемая «польская украйна», охранялась целой цепью передовых укрепленных городов: Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Орел, Новосиль, Данков, Ряжск, Шацк, Кадом, Темников и Алатырь, сзади которых шли укрепления второй линии: Карачев, Мценск, Тула, Кропивна, Дедилов, Епифань, Рязань, Новгород-Нижний и др.

Постоянно высылались из этих городов «станицы» (разъезды) на «Муравский шлях» и в «Дикое Поле» до Днепра, Донца и Доно-Волжской переволоки для собирания вестей и наблюдения по степным сакмам¹⁰, шляхам (дорогам) и перелазам (бродам), не появятся ли где-нибудь татарские хищники. Сторожевую службу несли в городах второй линии отчасти, а в передовой по преимуществу – казаки. Эти казаки жили в городах, в пригородных слободках, или в своих собственных поместьях, которые они получали за свою службу наравне с «детьми боярскими». Поэтому они делились на «поместных» и «безместных». Последние получали еще название «кормовых», так как служили за «корм», т. е. за денежное и хлебное жалование.

По роду службы своей казаки разделялись на «полковых» (или «рядовых»), несших «береговую» (охранную) службу в городах, и на «сторожевых», ездивших в «станицы» и на степные «сторожи». В первую категорию попадали казаки «худые», безконные, неспособные к трудной полевой службе. Неся меньше обязанностей, они меньше получали и жалования. В сторожевые же казаки «верстались» (зачислялись) наиболее «резвые», смелые, ловкие и крепкие люди. Лучшие из них, более сноровистые и осведомленные, именовались «станичными вожами» (т. е. предводителями разъездов), прочие числились в «ездоках».

Управлялись городовые казаки своими выборными атаманами и головами; числились, вместе с прочим воинским служилым людом, в Стрелецком приказе. В 1571 году сторожевая казачья служба была приведена в больший порядок, и даже был составлен тогдашним начальником «польской украины», князем Воротынским, Устав сторожевой и станичной службы.

По этому уставу требовалось станичникам к своим урочищам ездить и сторожам на сторожах стоять в тех местах, которые были бы усторожливы, где б им воинских людей можно было усмотреть. Стоять сторожам на сторожах, с коней не ссаживаясь, попеременно, и ездить по урочищам попеременно же, направо и налево по два человека, по наказам, какие будут даны от воевод. Станов им не делать; огонь раскладывать не в одном месте; когда нужно будет кому пищу сварить, и тогда огня не раскладывать в одном месте дважды; в котором месте кто полднел, там не ночевать; в лесах не останавливаться, – останавливаться в таких местах, где было бы усторожливо. Если станичники или сторожа подстерегут воинских людей, то посылают своих товарищей с этими вестями в ближайшие украинские города, а сами позади неприятеля едут на сакмы (следы), по сакмам и по станам людей смечать, и, поездив по сакмам и сметив людей, с теми вестями в другой раз отсылают товарищей в те же города. Новые посланные едут направо и налево которыми дорогами ближе, чтоб в украинские города весть была раньше, не перед самым приходом неприятеля, а самим им ехать за неприятелем сакмою, а где и не сакмою (как пригоже), покинув сакму направо или налево, ездить бережно и усторожливо, и того беречь накрепко: на которые украины воинские люди пойдут? И им, про то разведавши верно, самим с вестями подлинными спешить к тем городам, на которые неприятель пойдет.

¹⁰ Сакма – след по траве, особенно по свежей росе или по инею.

Если станичники завидят воинских людей на дальних урочищах, то им посылать посылки по три, по четыре, или сколько будет пригоже, а не от одного места, чтоб, проведав подлинно про неприятеля, на какие места он идет, самим с подлинными вестями спешить наскоро в те города, на которые пойдет неприятель. А не быв на сакме и не сметиив людей и не доведавшись допряма, на которые места воинские люди пойдут, станичникам и сторожам с важными вестями не ездить и сторожам, не дождавшись на сторожах себе перемены, со сторож не съезжать. А которые сторожа, не дождавшись смены, со сторожи сойдут, и в то время государевым украинам от воинских людей учинится война, – тем сторожам от государя быть казненным смертию. Которые сторожа на сторожах лишние дни за сроком перестоят, а их товарищи на смену в те дни к ним не приедут, то брать первым на последних по полуполтине на человека в день. Если воеводы или головы пошлют кого наблюдать за станичниками и сторожами на урочищах и на сторожах, и посланные найдут, что они стоят небережно и неусторожливо и до урочищ не доезжают, то хотя бы приходу воинских людей и не ждали, – тех станичников и сторожей за то бить кнутом. Воеводам и головам смотреть накрепко, чтоб у сторожей лошади были добрые и ездили бы на сторожи о двух конях, чтоб можно было, увидевши неприятеля, уехать. У кого из станичников и сторожей лошади будут худы, а случится посылка скорая, и под тех сторожей велеть доправить лошадей на их головах; а если надобно вскоре, и доправить некогда, то воеводам велеть брать лошадей добрых у их голов; а не будет у голов столько лошадей, то воеводам брать лошадей добрых по оценке у полчан своих, а на головах брать найму на всякую лошадь по 4 алтына с деньгою на день, и отдавать деньги тем людям, у которых взяты лошади.

В 1574 году все городовые казаки «польской украины» получают Наказным Атаманом родоначальника ныне благополучно царствующего Дома Романовых боярина Никиту Романовича Юрьева-Захарьина. По его распоряженью казакам за несение сторожевой службы было прибавлено денежное и поместное жалованье более чем вдвое, наличный состав был проверен, осмотрено снаряжение и лошади, причем велено: «которые казаки собою худы или безконны и в сторожевую службу их не будет, – тех от сторожевой службы отставить, и служить им казачью рядовую службу и поместной им придачи не придавать, а на их место прибрать из рядовых казаков добрых и конных».

С половины XVI века все дальше и дальше на юг и восток распространяется порубежный предел Русского царства, строятся все новые и новые города¹¹, в которых мы опять-таки находим прежде всего городских казаков – Самарских, Ливенских, Воронежских, Елецких, Задонских, Тамбовских, Чугуевских, Астраханских и т. п.

Наряду с казаками «польской украины» имеются известия о казаках и других городов, по преимуществу пограничных с западными врагами Московского царства – Литвой, Шведами, Немцами. Таковы казаки Смоленские, Псковские, Новгородские (Новгорода Великого), Великолуцкие, Вологодские, и т. д. Эти казаки, как и прочие, так же или довольствуются «кормами», хлебными и денежным жалованием или же получают поместья, а со введением крепостного права владеют и крестьянами одинаково с дворянским сословием.

К тому же XVI веку (и, несомненно, к самому началу его) относится возникновение и другого казачества, вольного.

Дикое Поле со своими многочисленными оврагами, балками, холмами, перелесками давало прекрасное убежище всякому люду, которому не жилось в пределах Московского государства. Здесь-то и было положено начало тем военным братствам, напоминавшим, с одной стороны, дружины Киевской Руси, а с другой, духовно-рыцарские ордена Западной Европы. Под давлением постоянной внешней опасности вольное казачество сплотилось в многотысячные воинственные общины, осевшие по берегам степных «словутных» рек Дона, Яика и др.

¹¹ Самара, Ливны, Воронеж – 1586 г., Царицын – 1589 г., Саратов – 1590 г., Елец – 1592 г., Белгород, Оскол, Валуйки – 1593 г., и т. д.

и получившие названия казачьих войск. Так возникли старшие казачьи войска Донское, Волжское, Гребенское, Терское и Яицкое.

Сюда-то, в эти свободные общины, как в былое время на заставу богатырскую, стекались «лучшие» люди Московской Руси, стекались все, кто, чуя в себе силушку великую, хотел размыкать ее по чисту полю, удаль свою молодецкую показать и добыть себе чести, а казачеству славы. Сюда же стекались и те, кто искал себе спасенья от холопства невольного, от прикрепления к земле, к тяглу, к помещику, так как к концу XVI века Московское государство держало уже в крепких тисках своих граждан, возложив на них тяжелые обязанности пред государством, – обязанности, не соответствовавшие правам. И вот, кто хотел избавиться от этих тисков, от тяжести податей и налогов и от произвола дворян да бояр государевых; кто жаждал вольной, свободной жизни, кого не пугало царившее в казачьих общинах общее равенство, а влекло к себе товарищеское братство, – все стекались на берега «запольных»¹² речек и увеличивали собою толпы казачества «вольного, свирепого и бесстрашного»...

Надо еще не забывать и того обстоятельства, что закончившееся к началу XVI века объединение Северо-Восточной Руси сопровождалось уничтожением свободных, вольных вечевых государств русских – Великого Новгорода, Пскова и других. Конечно, и жители этих разгромленных областей стремились в казачьи общины, являвшиеся носителями того же самого государственного порядка и строя.

Охота, рыбная ловля и война давали казачеству средства к жизни, и они же определяли собой общественный строй, обычаи и нравы казачества. Первые два вида деятельности ставили казаков в необходимость селиться небольшими городками (по 100, по 200 и по 300 человек) в удобных для промысла местах, боевая же обстановка развивала и закаляла товарищеский дух взаимопомощи, выручки и поддержки, так как только благодаря этой тесной внутренней спайке могло казачество выйти победоносно из тяжелой кровавой борьбы.

В отличие от казаков городских, составлявших в Московском государстве военное служилое сословие, среднее между «детьми боярскими» и «стрельцами», вольное казачество в основу своего единения клало полное отрицание каких бы то ни было сословных разделений. На царскую грамоту, приглашавшую в 1638 году прислать в Москву «лутчих» (т. е. знатнейших) казаков к царю «для всяких государевых дел», Донское войско отвечает: «то де у них и лутчие люди, ково они выбрав Войском пошлют к Государю, а лутчих де людей у них на Дону нет, – все меж себя ровны». Когда в 1698 году царский посол Нащокин, привезя на Дон подарки, хотел раздавать их казакам по наказу – «лучшим» хорошие, а рядовым похуже, казаки ответили ему, что «у них больших нет никого – все ровны, а разделят сами на все войско, по чему достанет».

Впрочем, ни свобода, ни равенство нисколько не мешали казачеству быть надежным оплотом своего отечества и верно служить своим природным государям – Царям Русским. В 1641 году Донцы пишут из Азова главнокомандующему турецкого осадного корпуса в ответ на его приглашение перейти на службу к Турецкому Султану: «Холопы мы природные Царя Государя Московского, а бегаем из того государства Московского от бояр да от дворян государевых». Московские бояре просто-напросто являлись вещью лишней и бесполезной, с точки зрения казаков. Тому же Нащокину говорило Донское Войско: «Прежде мы служили Государю и голов (т. е. воевод) московских у нас не было, служили своими головами, и теперь рады служить Государю своими головами, а не с Хрущовым». Прошло полвека, и снова пишут (1646) Царю казаки: «А твоему государеву дворянину Ждану Кондыреву на такую твою государеву великую службу водяным путем с нами, холопи твоими, быти ему невозможно, потому, Государь, что он жил при твоей государственной светлости, и человек он нежной, а нынешние, Государь, нужи и морских походов и пешие службы ему будет нетерпеть. И нам, Государь, бывают

¹² Лежащих за Диким Полем.

нужи, да и хуртины (бури, волнения) великие, и струги наша разносит по морю, друг друга не возведаем, да и топит, Государь, хуртиною у нас многие струги, а иные на берег выметывает и разбивает: и без запаса и без воды многие дни бываем. А ему, Государь, Ждану такие великие нужи и пешие службы с нами будет нетерпеть. А нам, холопам твоим, лучится о тамошнем каком деле и о промыслу ему, Ждану, говорить, и ему, Государь, будет на нас в том досадовать, и у нево, Государь, в том деле будет ссора и смута, и всяким нашим промыслам в твоей государевой службе от тово будет поруха. А ему, Государь, морских походов, и пристаней, и тамошних мест ничто не за обычей, и не ведает». И Царь милостиво удовлетворил челобитную казаков – послал Войску Донскому свое царское «спасибо», а Кондыреву велел вернуться к Москве.

Из приведенных выше примеров мы видим, что в XVI–XVII веках казаки служили Царю «своими головами», т. е. имели во главе своей собственное начальство. Невелико было число этого начальства: Войсковой Атаман да Войсковой Ясаул (иногда Ясаулов было два и более), а для ведения Войскового письмоводства состоял Войсковой Дьяк (или Писарь) с подьячими. Войсковое знамя и прочие регалии вверялись особым старшинам: Войсковому Знаменщику, Бунчуковому Товарищу и др.

Устройство отдельных казачьих городков соответствовало устройству всего войска. Во главе стоял опять-таки Атаман, а «атаманы у нас на Дону», говорили казаки, «без есаулов не бывают».

Все эти чины замещались по выбору на один год, и по окончании своего срока должностное лицо превращалось в обыкновенного рядового казака. Атаман Аввакум Сафонов пишет в челобитной к Царю в 1642 году: «А то он, Наум, был Войсковой Атаман до Азовской осады на Дону, а в Азовскую осаду был он в рядовых, а я, холоп твой Абакумко, и в Азовскую осаду был станишный атаманишко; а Войсковой у нас Атаман один и тот в Азове».

Войсковому Атаману принадлежала только исполнительная власть, что же касается до власти распорядительной, то она неотъемлемо оставалась за всем Войском в его целом. Для осуществления же этой власти войско собиралось по мере надобности в Войсковой Круг, в котором и решались все важнейшие войсковые дела. Казачий Круг вполне тождествен с древнерусским народным собранием – вечем: те же у них права, тот же состав, та же деятельность.

Составлялся Войсковой Круг из всех явившихся на место собрания казаков, не опорооченных перед Войском, причем все имели равное право голоса. Круг обыкновенно собирался на площади главного городка Войска. Посреди площади, в центре Круга, располагался окруженный войсковою «старшиною» Войсковой Атаман со знаками своей власти – булавою и бунчуком и предлагал на обсуждение Кругу очередные дела. Впрочем, предложения Кругу мог невозбранно делать и всякий из присутствующих. Изложив сущность дела, Атаман (или по его поручению Ясаул) спрашивал собрание: «Любо ли вам, атаманы-молодцы?» Присутствующие отвечали «любо!» или «не-любо!», и простое большинство решало вопрос. Чаще всего Круг приходил к единодушным решениям, а до безобразных диких драк, как на Новгородском вече, дело доходило только в чрезвычайно редких случаях, так как постоянная внешняя опасность и общие «нужи морской и пешей службы» создавали столь прочную спайку казачьего товарищества, что казак всегда готов был братски поделиться с соседом даже последним куском хлеба.

Исторические документы, дошедшие до нашего времени и относящиеся в большинстве к Донскому Войску, дают нам возможность не только ближайшим образом указать предметы ведения и обычаи Войскового Круга, но и подкрепить это указание примерами из собрания Донских Дел (Д.Д.), изданных Императорской Археографической Комиссией в 1898–1906 годах.

Кроме избрания всех войсковых должностных лиц, заведывания войсковым имуществом, капиталами и распределениями между войском царского денежного, порохового и прочего жалованья, Войсковой Круг в потребных случаях устанавливал налоги с казаков на обще-

войсковые надобности, как напр., на укрепление городов, прием посольств и проч. В 1639 году пишет Донское Войско Царю: «Запасы, и вино, и мед, и быки, и бараны, и неводы, и котлы, и каюки, в чем рыбу ловить, покупаючи им, мурзам (ногайским), давали, а деньги собирали с своей братьи Донских казаков, себя осудя» (Д.Д. I. 981).

Ревниво оберегая пользу войсковую и государственную, Войсковой Круг не стеснялся издавать законы и распоряжения, обязательные к исполнению под угрозой смертной казни или лишения казачьих прав: «А которые де люди на тот срок в Азов не будут (для обороны его от турок), а останутся на Дону и тех приговорили грабить и побивать до смерти и в воду метать» (Д.Д. II. 125). «А которые атаманы и молодцы верховые (верхнедонских городков) к войску в Азов на помощь пойдут, и тем атаманам и молодцам в Войску и суда не будет» (Д.Д. I. 810). В 1690 году, узнав, что в верхних городках казаки начали заниматься землепашеством, Войсковой Круг постановил: «Дабы воинским промыслам помешки не было, если который казак станет пахать, того бить до смерти и грабить».

Судебная власть в полной мере осуществлялась Войсковым Кругом. Во всех случаях чрезвычайной важности не только суд, но и самая расправа производилась в Войсковом Кругу, причем виновного, смотря по обстоятельствам, или поднимали на пики, посекали саблями, расстреливали, или убивали полыньями и камнями, или же просто, по-рыбацки, «в куль – да в воду»... Приведем несколько характерных примеров. В 1646 году воевода Кондырев доносит Царю из Воронежа: «Апреля ж в 27 день, тот Донской атаман Павел с Донскими казаками и с вольными людьми учинили себе круг, того вора-заводчика Ваську Барабанщика в кругу расстреляли из пищалей, а Ивашка Борборского да Ивашка Глухово били в кругу ослопы (дубинами) по своему казачью обычаю, как у них на Дону ведетца». В 1637 году Войско пишет из-под Азова: «А мы, Государь, холопы твои, не утерпя ево измену и за ево волшебство их, что стоя под Азовом терпим голод великий и всякие нужные скорби, того Турского посла Тому Катакузина со всеми его людьми побили до смерти». В 1638 году донцы в Москве говорят: «А то де было в нынешнем 146 году, запорожских черкас атаман Матьяш учал было бунтовать, и войска было слушать не учили, и учили просить у них города в Азове особного и наряды (пушек), и хотел было он владеть и жить особно. И они де, атаманы и казаки, поговоря меж себя, за то черкасского атамана Матьяша убили поленьями до смерти и вкинули в Дон. И после того запорожские черкасы им послушны во всем по-прежнему, а будет де они впред похотят владеть собою, и им де Войском молчать не будут и с ними управятся». (Д.Д. I. 706–707).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.